Сюжет сериала был донельзя избитым: брошенный всеми вампир благодаря помощи окружающих постепенно обретает силу, начинает совершать добрые дела и в финале находит истинную любовь.

Хотя всю историю можно было уложить в одно предложение, Ли Сычэнь не сомневался: те, кто посмотрит этот сериал, не назовут его банальным. В руках талантливого сценариста и умелого режиссера даже самая заезженная фабула способна заиграть неожиданными красками.

Только взглянув на сценарий, Сычэнь понял, почему Дерик называл Габриэля «золотым пером». Сюжет захватывал с первых строк, и оставалось лишь гадать, насколько впечатляющей окажется итоговая картинка.

— Карлос, о чем задумался? — К нему подошел невысокий шатен. Это был Карл, исполнитель роли главного героя в детстве. Несмотря на юный возраст, мальчик уже успел сняться в нескольких популярных проектах и обзавестись собственной армией поклонников.

Сычэнь на мгновение растерялся — он не ожидал, что звезда такого уровня заговорит с ним первой. Он-то привык считать, что у знаменитостей характер не сахар, но быстро опомнился и улыбнулся, приподняв сценарий.

— Да вот, изучаю. Очень интересно написано, сценарист Габриэль и впрямь мастер своего дела.

Сычэнь искренне радовался встрече с ровесником, к тому же их роли в сюжете не пересекались как конкурентные, что настраивало на дружелюбный лад.

— А то! — Карл восторженно всплеснул руками, и в его глазах зажегся огонек. — Знаешь, я много где снимался, но такое вижу впервые. Любой сценарий Габриэля, будь то полный метр или сериал, обречен на успех. Для меня огромная честь работать здесь.

Сычэнь невольно рассмеялся. Он не до конца разделял этот фанатичный трепет перед сценаристом, но возможность сыграть кого-то поинтереснее безмолвного статиста уже казалась ему невероятной удачей.

— Я тоже очень рад, — искренне ответил он.

В этот момент Сычэнь осознал, что даже прославленные дети-актеры — прежде всего обычные люди, и ладить с ними куда проще, чем он себе воображал.

— Карл, твоя очередь! Живей сюда! — донесся чей-то крик.

— Иду! — отозвался мальчик, помахав рукой, и напоследок бросил Сычэню: — Мне пора. Удачи тебе!

— Спасибо, и тебе.

Как только Карл ушел, Сычэнь снова уткнулся в текст, вчитываясь в каждую деталь своего образа. В Америке азиатских детей-актеров было не так много, но это не значило, что студия не сможет найти замену. Он дорожил этим шансом и не собирался упускать его из-за собственной небрежности.

Первая сцена предстояла совместная: два ключевых персонажа в детстве. Совместных эпизодов у них было не так много, но и эпизодическими их назвать нельзя. Сычэнь наблюдал за тем, как Карл репетирует с другими ребятами, понимая, что скоро наступит и его выход.

Долго ждать не пришлось.

— Карлос, пошевеливайся! Твой выход.

По сюжету Карл, отличавшийся от обычных людей, только что пережил нападение сверстников и был изрядно помят. Герой Сычэня в это время наблюдал за потасовкой из укрытия, не решаясь вмешаться. Камера должна была запечатлеть момент, когда толпа задир скрывается, а он медленно выходит из тени.

— Мотор!

Стоило прозвучать команде «Action», как объектив нацелился на Ли Сычэня.

Придерживаясь за стену, он осторожно выглянул из-за угла. Сделав несколько неуверенных шагов навстречу Карлу, он нарочито негромко кашлянул, словно пытаясь набраться храбрости. Он смотрел со страхом, смешанным с решимостью.

— Ты… ты как? В порядке?

Карл, чье лицо было в синяках и ссадинах, замер. Он медленно поднялся с земли, в упор глядя на Сычэня. Вдруг он изломанно усмехнулся, а во взгляде промелькнуло нечто пугающее, почти демоническое.

— Весело было? Понравилось смотреть, как меня колотят?

— Я… — Сычэнь осекся.

Слова застряли в горле, напрочь вылетели из головы. Он просто не знал, что отвечать.

— Смешно было?! — внезапно сорвался на крик Карл.

Сычэня словно током ударило. Сердце пропустило удар. Мальчик перед ним в одно мгновение превратился в жуткое чудовище, порождающее безотчетный, первобытный ужас. Сычэнь невольно попятился, с испугом глядя на напарника.

— Снято! Еще раз, — прозвучал резкий голос режиссера. Тот даже не поднялся из-за монитора, но все присутствующие поняли: он недоволен. Крайне недоволен.

Сычэнь глубоко вздохнул. Было ясно, что виноват он — Карл-то отыграл безупречно. Пытаясь настроиться, он зажмурился, восстанавливая в памяти детали сцены и стараясь намертво заучить злополучную реплику.

Однако ни второй, ни третий, ни четвертый дубли не принесли успеха. Каждая попытка прерывалась коротким режиссерским «стоп», за которым неизменно следовало «переснимаем».

Сычэнь занервничал. С каждым разом он играл всё хуже, теряя нить образа. Даже Карл начал терять терпение. Дети есть дети: бесконечные повторения одной и той же сцены утомляют, и дружелюбие Карла таяло на глазах.

В актерской игре напарники зависят друг от друга, и Сычэнь остро чувствовал нарастающее раздражение коллеги. Ему было всё труднее подстраиваться под темп Карла. Контраст между опытным профессионалом и новичком, привыкшим лишь к массовке, стал слишком очевиден.

После очередной неудачи режиссер раздраженно махнул рукой.

— Идите придите в себя оба. Пока снимем другие сцены.

А затем едва слышно пробурчал под нос:

— Если давать этим двоим играть и дальше, мы сегодня вообще ничего не снимем. Только время зря трачу.

Бормотание было негромким, но Карл и Сычэнь услышали всё. Оба помрачнели. Карл и вовсе наградил его тяжелым взглядом и фыркнул. Для него виновник провала был очевиден.

Вернувшись на свое место, Сычэнь до боли стиснул зубы. Он в сотый раз открыл истерзанный сценарий, глядя на подчеркнутые цветным карандашом фразы. В голове снова и снова прокручивались кадры неудавшейся сцены. Что-то было не так.

— Что, пал духом? — раздался рядом спокойный голос Лю Шаньчэня.

— Нет, — буркнул Сычэнь.

Он меньше всего хотел казаться слабым в глазах тех, кого уважал: будь то тетушка Чжан, Мишель или человек, сидящий рядом.

— Я справлюсь. Обязательно сыграю так, чтобы режиссер остался доволен.

— Твое упорство похвально, но ты сбился с пути. А если идти не в ту сторону, то чем больше сил тратишь, тем дальше оказываешься от цели.

Голос Шаньчэня оставался ровным, но смысл сказанного был ясен — он пришел дать совет.

Сычэнь повернулся и внимательно посмотрел на соотечественника. Отбросив мысли о национальном родстве, он вынужден был признать: в этом человеке чувствовалась харизма настоящей звезды. Но сейчас Сычэня интересовало другое. Он оживился.

— Брат Шаньчэнь, ты научишь меня играть?

Лю Шаньчэнь положил руку на голову мальчика. Его обычная отстраненность дала трещину перед этим ребенком. Возможно, Сычэнь задел какие-то струны в его душе, пробудил воспоминания, о которых Шаньчэнь предпочитал не распространяться.

— Разве я не этим сейчас занимаюсь? В конце концов, мы играем одного и того же персонажа. Если мы будем тянуть одеяло в разные стороны, это навредит всему сериалу.

— Точно! — Сычэня осенило. — Брат Шаньчэнь, ты — это я в будущем. Значит, если я буду подражать тебе, всё получится?

— На первых порах — возможно, но на долгую перспективу это тупик. Карлос, запомни: успех актера — в его индивидуальности. У тебя должен быть свой почерк, своя изюминка. Только так можно стать знаменитым, понимаешь?

Шаньчэнь говорил непривычно много.

— Да, ты прав. Но я знаю, что нужно еще и вживаться в роль. Только тогда игра будет по-настоящему успешной.

Идея «слияния с персонажем» прочно засела в памяти Сычэня еще с тех пор, как он мастерски симулировал боли в животе. С каждой новой эпизодической ролью это убеждение крепло, превращаясь в профессиональное кредо.

— Верно мыслишь. В этом проекте мы делим одного героя. Характер, привычки — всё должно быть общим. Однако твоя версия персонажа должна быть слабее, уязвимее моей. Это нужно подчеркнуть. Давай-ка я расскажу тебе, как я понимаю этот образ.

Лю Шаньчэнь не стал диктовать Сычэню, как двигаться или с какой интонацией произносить слова. Вместо этого он начал раскрывать психологическую глубину персонажа. Такой подход был куда эффективнее прямой муштры.

Если бы Шаньчэнь просто показал, как надо играть, Сычэнь, вероятно, справился бы с дублем, но стал бы зависимым от чужих подсказок. Теперь же, когда суть характера отпечаталась в сознании мальчика, он мог думать и творить самостоятельно.

В конечном счете Ли Сычэнь не мог справиться с ролью лишь потому, что раньше имел дело только с массовкой, где не требовалось понимание общей картины. Ему не хватало навыка анализа всего сценария. И помощь Лю Шаньчэня в понимании мотивов героя стала тем самым ключом, который открывал дверь к успеху.

http://bllate.org/book/17536/1704277